

**МРАЧНЫЕ ДНИ
В САННИВЕЙЛЕ**
ЭМИЛЬ КОСТА

16+

Эмиль Коста

Мрачные дни в Саннивейле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35011014

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-07805-5

Аннотация

1959 год. Убийство полицейского всколыхнуло городок на восточном побережье США. Супруга жертвы давно исчезла, единственная дочь отбилась от рук, а коллеги не скрывают своей неприязни. Для внутреннего расследования из Бостона приезжают детектив Стивен Бойд и его пожилой помощник Уилкинс. Чтобы напасть на след убийцы, придется напрячь все силы – слишком много скелетов спрятано в шкафах жителей Саннивейла.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Добро пожаловать в Саннивейл!	6
Глава 2. Личные дела	23
Глава 3. Тучи сгущаются	36
Глава 4. Лучший друг	50
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эмиль Коста

Мрачные дни в Саннивейле

Пролог

Генри Шумер заглушил мотор, и полицейский автомобиль бесшумно подкатил к крыльцу. В доме горел свет. Патрульный усмехнулся: все-таки он был прав, не доверяя дочке. Сказала, что заночует у подруги, а сама устроила дома посиделки. Хорошо, если с девчонками, а то...

Он вылез из автомобиля, прикрывая рукой светловолосую макушку, и только снаружи надел фуражку. Из-за высокого роста Генри то и дело бился головой о дверные проемы, а сколько раз приложился лбом на выходе из машины – не считаешь. Впрочем, маяться в патрулях осталось недолго: Шумер второй год служил помощником шерифа и считал, что должность начальника у него в кармане. Старику давно пора на покой.

Дверцу удалось захлопнуть без лишнего шума. Пружинисто перешагивая через ступеньку, полицейский взошел на крыльцо и прислушался. Тишина. Наверняка курят на кухне. Может быть, лучше зайти через черный ход и напугать девчонок как следует, чтоб неповадно было? Скрытность Мег-

ги начинала действовать на нервы: без малого восемнадцать лет, а в голове черт знает что творится. Раньше училась на отлично, но последние годы звезд с неба не хватает. Надо бы всерьез взяться за нее.

Полицейский вошел в дом и захлопнул за собой дверь. Яркий свет в гостиной на мгновение ослепил его. Состроив гримасу постroje, Генри обернулся к центру комнаты, где стояло несколько кресел, и тут же увидел дуло пистолета, направленное в его сторону. Прежде чем голова успела что-то сообразить, рука потянулась к кобуре и даже успела ее растегнуть. Грохнул выстрел.

Как бывалый баскетболист, Генри привык к тычкам в разные части тела на тренировках, но это был чувствительный удар! В глазах потемнело. Он тяжело осел, зажав рану в животе правой рукой. Фуражка откатилась в сторону, револьвер отлетел под кресло. Шумер скрючился на полу и с изумлением глядел на собственную кровь, темной лужей растекающуюся по чистому паркету. Свет в глазах померк. Было холодно.

Напоследок полицейский успел подумать, что это самая холодная октябрьская ночь в его жизни.

Глава 1. Добро пожаловать в Саннивейл!

Стук в дверь отозвался эхом в голове и прогнал остатки сна. Я скатился с дивана, на котором отрубился накануне, швырнул пустую бутылку в мусорное ведро под столом и пошлепал открывать. Уилкинс был не в духе и начал брюзжать с самого порога:

– Кто бы сомневался, ты еще даже глаза не продрал! Утро понедельника – все понимаю, но меру-то пора знать!

– У меня для этого ты есть, – я направился в ванную, потирая затылок, – Что за срочные дела?

Старик с отвращением оглядел мое холостяцкое жилище. От спешки он успел взмокнуть, несмотря на весьма свежее утро, и тяжело дышал. Уилкинс подошел к окну и поднял фрамугу, впуская в комнату прохладный осенний воздух. Во всем, что касается сигарет, он был невыносимым ханжой, как и все недавно завязавшие курильщики.

Напарник уселся на диван и пока я намыливал лицо, изложил суть дела в своей весьма специфичной манере:

– Меня в участок выдернули спозаранку; телефон барахлит, так они патрульного прислали. Перебудил всех, дурак... Мэри собрала кое-чего, пока я на работу мотался. В общем,

времени в обрз. Не стал тебя там дожидаться, заскочил домой – и сразу сюда.

– Опять командировка? – поморщился я, выходя из ванной.

– Надеюсь, для меня – последняя. Так надоела вся эта возня... Собирай шмотки и двигаем.

Я распахнул шкаф, на полу которого валялся «тревожный портфель» для таких случаев. Что внутри, смотреть не стал. Ничего нового точно. Вместе с портфелем я достал из недр гардероба костюм и даже откопал на верхней полке пару приличных носков.

Через пять минут мы спустились по лестнице. Внизу я старался двигаться потише, потому что задолжал квартирной хозяйке. Детектив полиции – не самая доходная должность; у начальства я был не на лучшем счету и совсем его за это не осуждал. Так что денег было не то чтобы много, а жизнь в Бостоне обходится недешево. Особенно это касается аренды жилья, даже когда речь идет о конуре, которую я называю домом.

У обочины нас ждала колымага Уилкинса, «Додж» пятьдесят второго года. Старик приобрел ее семь лет назад прямо с конвейера и страшно этим гордился. Увы, напарник отказывался понимать, что в наше время машины устаревают со скоростью света. Он уселся за руль, а я бросил портфель на заднее сиденье рядом с пожитками хозяина и плюхнулся в пассажирское кресло. Голова по-прежнему раскалывалась,

во рту был омерзительный привкус, поэтому оценить красоту умытого осенним дождем утреннего Бостона было выше моих сил. Когда автомобиль со скрежетом тронулся с места, я для приличия поинтересовался:

– А куда мы, собственно, едем?

– В Саннивейл, – отвращение, которое напарник вложил в это безобидное название, выразило все презрение жителя большого города к провинции, – Население двенадцать тысяч шестьдесят четыре человека, сорок семь миль от Бостона на юго-запад... К завтраку будем на месте.

– И что там произошло – шериф попался на взятке?

– Если бы! Кто-то застрелил копа в его собственном доме.

Я присвистнул. Вон какие дела: в Бостоне нам не поручали ничего серьезнее угонов автомобилей, а тут... Видать, большим шишкам не слишком-то важно, чтобы убийца отправился за решетку, иначе не стали бы они посылать на это дело главного пьянчугу следственного отдела и его престарелого напарника.

– Свидетели есть? Версии?

– Ничего не знаю. Меня вызвали прямо из постели и велели забрать тебя и отправляться прямо на место происшествия. Труп нашли на рассвете, кто-то из близких; его небось и увезут уже, пока мы доберемся, – дорогу перебежала дворняга, и напарник свирепо нажал на клаксон, – Мэри ругалась на чем свет стоит. У Дженни на днях выступление в школе, а тут эта командировка...

Уилкинс у нас многодетный папаша и без пяти минут пенсионер. Балет младшей дочки его волнует куда сильнее, чем смерть коллеги, пусть и незнакомого. Неудивительно, что настроение у напарника ни к черту.

Я украдкой взглянул в боковое зеркало; если бы знал, что предстоит командировка, не стал бы так напиваться накануне. В Бостоне помятой физиономией никого не удивишь, особенно если расследуешь кражи и угоны автомобилей, а вот в Саннивейле... Да еще служебное расследование... Не хотелось бы разочаровать местных и опорочить честь мундира. Хотя что такое честь я давно забыл, да и мундира не ношу. Один из плюсов должности полицейского детектива – возможность одеваться в гражданское. После стольких лет в форме я не устаю этому радоваться.

Час спустя впереди показался Саннивейл; мы сделали небольшую остановку возле единственной гостиницы на въезде в город. Одноэтажное здание смотрело на дорогу слепыми глазами окон. Номера в таких местах снимают проститутки и наркоманы. Портъе – небритый детина в засаленной рубашке – немало удивился при виде гостей из большого города.

– Приличные люди сюда редко заглядывают, больше отребье всякое... Если только с девками развлечься захотелось за недорого – тогда вы пришли адресу, – проговорил он из-за стойки, покрытой пятнами самого загадочного происхождения.

– На службе не развлекаюсь, – ответил я, продемонстрировав типу полицейский значок, – Два номера, и желательно почище.

– Сколько ночей? – мигом оживился портье.

– Пока до завтра, а вообще хотелось бы поменьше, – вздохнул Уилкинс.

Через минуту, забросив пожитки в номер с огромной раздолбанной кроватью, я пошел разыскивать напарника. Ему досталась комната в самом конце длинного как кишка коридора. Встретив по пути пару подозрительных рож, я стукнулся в последнюю дверь. Мебель в этом номере выглядела попроще, зато за стеной нещадно скрипела койка, а в такт ее ритмичному стону повизгивала местная ночная бабочка.

– Прямо с утра! Что ж тут ночью будет твориться? – посоветовал Уилкинс, – Мало того, что послали к черту на рога, так еще и выспаться не дадут.

– Вряд ли она пашет круглосуточно, – успокоил я старика, – Да и вообще до вечера город узнает, что в гостинице живут копы, и всех красоток сдует с горизонта.

– Да черт бы с ними, с девками – ты видал, какие уроды по коридору шатались? Я наркоманов на дух не переношу. Накидаются чем попало, а потом или соседа прирежут, или на себя руки наложат. Не хватало еще новое дело тут разгрести.

– Это уж будет не внутреннее расследование, разгребут своими силами. Едем?

– Позавтракать бы как следует, – вздохнул Уилкинс, когда мы уселись в машину.

– Может, удастся перехватить что-нибудь в участке. Или безутешная вдова окажется хорошей хозяйкой...

– У хороших хозяек мертвые мужья в доме не валяются, – назидательно ответил напарник.

И, черт побери, я не стал с ним спорить.

Над Саннивейлом стояло хмурое осеннее утро. В целом симпатичный городишко. Здесь, должно быть, хорошо растить детей. Жена когда-то хотела переехать в такой – по крайней мере, она так говорила. А теперь живет в центре Манхэттена, в крохотной и дорогущей квартирке с кирпичными стенами; это бывшее здание то ли швейной фабрики, то ли мыльного завода. Черт знает, чего хотят женщины на самом деле.

Возле участка мы остановились, и Уилкинс выбежал узнать адрес убитого. Когда он вернулся, наш «Додж» двинулся дальше и через несколько минут затормозила на тихой улице в пяти кварталах от центра. Пожалуй, это даже улицей сложно было назвать: «Цветочный тупик» значилось на дорожном знаке перед поворотом в уединенный закуток, окруженный несколькими домами. Всего пять почти одинаковых двухэтажных коробок, позади которых несла свои воды местная безымянная речушка. Перед четырьмя из них красовались ухоженные лужайки с клумбами, садовыми гномами и подобной чепухой, а один явно пустовал.

Нужный нам дом возвышался посередине, в самом конце тупика. Перед ним стояло несколько полицейских и гражданских машин, загромоздивших и лужайку, и парковочное место. Карета скорой помощи тоже присутствовала; внутри маялись от скуки два дюжих санитаря.

Мы приткнулись перед соседним домом, на крыльце которого сидела в плетеном кресле старая леди, хмуро наблюдавшая за происходящим. Почему я про себя назвал ее леди? Черт знает. Чувствовалась там какая-то порода: в осанке, посадке седой головы с аккуратной стрижкой, руках, сложенных на коленях, поджатых сморщенных губах... Словом, нынче таких старух уже не выпускают.

Выйдя из машины, напарник и я потопали к нужному дому, на котором красовалась табличка с номером три. Дверь и окна были распахнуты настежь, ветерок колыхал занавески. Оставалось лишь надеяться, что труп и вправду достаточно свежий: я-то ко всему привыкший, но нежный желудок Уилкина не переносит тухлятины.

Окинув взглядом место происшествия, я нахмурился. Эти провинциальные придурки даже не додумались выставить ограждение. О возможных следах на газоне пришлось забыть: у самого дома, почти уткнувшись носом в крыльцо и завязнув одним колесом в клумбе, стоял полицейский автомобиль. На его приборной панели под лобовым стеклом я заметил идиотскую ковбойскую шляпу. Такие носят только...

– Как фамилия местного шерифа?

– Мердок, – отозвался Уилкинс, шаривший в карманах плаща в поисках леденцов от кашля, – Думаешь, он тут?

– Не иначе, – я указал на шляпу, и напарник хрюкнул от смеха, – Как по-твоему, сапоги со шпорами тоже при нем?

– Я ставлю на усы до самых ушей.

– Готовь полдоллара, – я поднялся на крыльцо и первым вошел в дом.

Покойный жил небогато. В гостиной, куда мы попали, была новая, но дешевая мебель. Середину комнаты украшал полосатый ковер из искусственной шерсти. На нем полукругом расставлены два кресла с низкой спинкой и одно – с высокой; все повернуто к маленькому телевизору в левом углу. Обеденный стол с двумя стульями расположились возле окна справа. За дверью напротив были, по-видимому, кухня и лестница на второй этаж.

Хозяин дома лежал в луже собственной крови рядом с порогом – едва успел войти и тут же схлопотал пулю. Он скрючился на боку в позе эмбриона, прижав руки к простреленному животу. При виде тела в полицейской форме на душе стало скверно: я и позабыл, как тяжело расследовать убийства хороших парней. Возле трупа сидел на стуле и что-то записывал плешивый мужчина в гражданском; на его руках я увидел резиновые перчатки. Коронер, должно быть.

В комнате находилось еще трое: они так и уставились на нас. Здесь явно были не рады гостям из большого города. Два молодых копа и один пожилой – этот приземистый хмырь в

кожаной куртке с сигаретой в зубах особенно бесцеремонно тарасил глаза. Ковбойских сапог, увы, не было, а при виде физиономии шерифа стало ясно, что пари безнадежно проиграно. Подавив вздох, я шагнул в его сторону и протянул руку.

– Детектив Карл Бойд. Надо полагать, вы шериф Мердок?

– Я самый, – он вяло пожал протянутую ладонь, – Стало быть, вы – шишки из Бостона?

Что и следовало доказать – нам определенно были не рады... Я и бровью не повел, а напарник вытащил из кармана пятерню и скромно отрекомендовался:

– Уилкинс.

Вечно он представляется будто сосед напротив, который забрел одолжить молоток. Впрочем, если бы я столько лет просидел в помощниках детектива, тоже нечасто бы поминал собственное звание. С таким напарником, конечно, авторитета не заработаешь. Что и говорить: звезд с неба старик не хватает, да этого от него никто и не ждет. А команда из нас что надо: он давно считает дни до пенсии, а я – когда получу коленом под зад.

Стараясь делать вид, будто ситуация под контролем, я осмотрел комнату и сказал:

– Введите меня в курс дела.

– А вводить нечего. Мертвый коп. Генри Марвин Шумер, тридцати девяти лет. Это его тело, а это... – шериф обвел рукой вокруг седой головы, – его дом. Простите, в отсутствие

хозяев коктейлей не предложу.

– Я предпочитаю чистый скотч. Когда обнаружили тело?

– В участок позвонили в семь утра, – ответил высокий полицейский с оттопыренными ушами, которые забавно топорщились из-под фуражки, – Меня вызвали из дома, был тут в полвосьмого.

– Кто позвонил?

– Дочь нашла тело – должно быть, она и позвонила.

На стенах я заметил несколько фотопортретов: хозяин дома, одетый по-военному, запечатлен на фоне нормандской деревушки, он же – в баскетбольных шортах с кубком в руках, снова он – уже в полицейской форме. Здесь также были три или четыре снимка маленькой девочки, не старше восьми лет. Хорошенькая, с пухлыми щечками. Занимается балетом, победила в конкурсе орфографии... Умница, хотя и блондинка – папина дочка.

– Она в участке?

– У соседки. Если нужно, можем позвать.

– Ни к чему. Я поговорю с ней позже...

Девочка наверняка в шоке: шутка ли, обнаружить отца в луже крови. Чем эти деревенщины думают?

Я вытащил сигареты и огляделся в поисках пепельницы.

– Генри не курил и гостям не разрешал, – заметил шериф, выпуская клуб дыма.

– Это не повод мусорить на месте убийства. Уилкинс...

Напарник хотел было возразить, но наткнулся на мой су-

ровый взгляд и мигом смылся на кухню, которая действительно оказалась за дверью. Несколько секунд он гремел там посудой и наконец вернулся, держа в руках пустую кофейную чашку.

– Травись на здоровье.

– Благодарю.

Я закурил, взял чашку и присел на корточки возле тела – будто бы собрался выпить кофе перед первичным осмотром. Процедуру эту я, надо признаться, забыл безнадежно. Да еще дым ударил тупым молотком по мозгам, припоминая вчерашнее веселье. Строго говоря, в том, чтобы напиваться до потери сознания под треск старого радиоприемника, веселого мало, но выбирать не приходилось. А теперь надо было собраться. Составлять подробное описание потерпевшего ни к чему, но я делал это для себя, чтобы вспомнить...

Итак, жертва убийства, полицейский Генри Шумер. Белый мужчина тридцати девяти лет. Рост выше среднего, телосложение худощавое, спортивное. Волосы светлые, средней длины, пробор с правой стороны. Глаза открыты, слизистая посохла. Цвет глаз – голубой. У жертвы овальное лицо, высокий лоб, прямой нос и большой рот с тонкими губами. Что еще... Подбородок квадратный.

Красивый был парень, чего там. Интересно, он успел понять, что начинает лысеть?

Одет в полицейскую форму. Справа на куртке в районе печени большое пятно крови и отверстие от ранения – пред-

положительно, огнестрельного. Фуражка откатилась при падении и лежит в четырех футах от тела. Револьвер (тридцать восьмой калибр) – в пяти футах, под креслом. Кобура растегнута.

Он пытался защищаться?

Жертва лежит на правом боку, ноги согнуты в коленях и подтянуты к груди, обе руки прижаты к животу. Рядом с телом лужа крови овальной формы, площадью около трех квадратных футов. Брызг и отпечатков обуви нет. В комнате относительный порядок. Стены и мебель без видимых повреждений; следов от других выстрелов не обнаружено.

Сработано чисто. Если преступник и оставил какие-то улики, то эти идиоты все давно затоптали. Вон и угол ковра отвернули, чтобы кровью не испачкался, чистюли хреновы.

У меня даже в животе заныло. Здесь нужен был опытный криминалист, а не бывший военный полицейский, которого бросают на угоны и бытовые потасовки. Я практически не имел дела с убийствами, а если и доводилось их расследовать, то личность преступника была очевидна с самого начала. Вечером непременно напьюсь, а сейчас главное – держать лицо. Делай вид будто все идет по плану – и тебе поверят. Всегда срабатывает.

Я поднял голову и снизу вверх взглянул на коронера, который укладывал в портфель какие-то инструменты.

– Тело переворачивали?

– Этот... – он кивнул на лопухого, – клянется, что нет. Я двигал немного, в разумных пределах.

– Клянешься? – я мрачно перевел взгляд на молодого копа, который тут же вытянулся в струнку.

– Я ничего не трогал!

– Точно? Стало быть, дом так всю ночь и простоял нараспашку?

– Это я тут велел окна отворить, – вступился за подчиненного Мердок, – Кровью смердит – хоть вон иди.

– А нам как теперь работать? – я аккуратно погасил окурок о дно чашки, – Черт знает, что еще ваши ребята здесь успели переворшить.

– К тому времени все, что нужно, сфотографировали. Отпечатки пальцев сняли с выключателей и дверных ручек – все как положено, – вмешался коронер, – Я приехал одновременно с полицией, живу недалеко. Дверь и окна были закрыты, шторы задернуты. Свет горел. Ковер, между прочим, был уже отвернут.

Я вопросительно взглянул на лопухого, и тот затряс головой. Что ж, стало быть, чистоплюйством у нас отличился убийца. Или, может быть, дочь жертвы? Вряд ли, но надо будет уточнить. Я обернулся к плешивому и спросил:

– Насколько понимаю, вы местный коронер?

– Доктор Элвин Белл, патологоанатом...

– Вы не специалист по криминалистике?

– Увы, – он развел руками в окровавленных резиновых

перчатках, – Но чем смогу, готов служить. Не в первый раз.

Час от часу не легче... И как тут работать? Гражданский врач, спасибо что не дантиста прислали!

Я оценивающе посмотрел на него и спросил:

– Время смерти?

– Судя по тому, как парня скрючило, между полуночью и двумя часами. Я бы ставил на полночь.

– Что за манера везде делать ставки... С твоим азартом надо жить в Вегасе, – сжав сигарету в зубах, процедил Мердок.

– Кто тебе разболтал о моих планах на пенсию? – беззлобно отозвался Белл.

– Так что насчет жертвы? – напомнил я.

– Его убили выстрелом в живот – пока это все, что я могу сказать. Ожога по краям раны не видно, следов пороха на одежде нет, так что стреляли не в упор. Про оружие убийства говорить пока рано: гильзу так и не нашли.

Ну еще бы!

– А пуля?

– Выходного отверстия нет, стало быть, застряла внутри.

Привезите парня ко мне в прозекторскую – и я мигом ее вытащу.

– Все патроны на месте? – спросил я, кивнув на револьвер

Шумера.

– Да. Он на предохранителе, у преступника был собственный ствол. Мы его не нашли.

Я поднялся на ноги и подошел к столу, чтобы поставить чашку.

– Можете забирать тело.

Белл выглянул наружу и свистнул. Захлопали дверцы машины, а по крыльцу затопали ноги в огромных ботинках. Видеть, как санитары грузят скрюченное тело копа на носилки, не хотелось. Лучше пока осмотреть дом. Я шагнул к единственной двери, ведущей из гостиной: за нею оказалась небольшой коридор. Вдоль правой стены убежала наверх лестница, под которой приютился гостевой туалет, а впереди виднелась просторная кухня.

В туалете не нашлось ничего интересного. К тому же перегорела лампочка – едва ли убийце пришло в голову сюда заглянуть. Я закрыл дверь и прошел прямо. К еде в этом доме относились равнодушно. Заглянув в кухонные шкафчики, я ничего не обнаружил, кроме нескольких пачек спагетти и мясных консервов. Всей хозяйственной утвари – пара кастрюль да сковородка. Единственный нож, правда, был в отличном состоянии: заточен и чисто вымыт. Тарелки и столовые приборы новые и недорогие, как и все, что я успел здесь увидеть.

Не похоже, чтобы миссис Шумер любила готовить. Существует ли она вообще? В гостиной ни одного женского фото. Жертва – отец-одиночка? Вдовец или разведен? Спрашивать у сослуживцев не хотелось, они не слишком-то дружелюбны. Проще полистать в участке личное дело, туда заносят всю

информацию о семье.

Вернувшись в коридор, я поднялся по узкой лестнице наверх. Из полутемного холла второго этажа вело три двери. Средняя была приоткрыта, за ней оказалась ванная. Я мельком огляделся и, ничего относящегося к делу не обнаружив, толкнул левую дверь и вошел в спальню хозяина. Неширокая кровать стояла вдоль одной стены, напротив встроенный шкаф, с дверцами, окрашенными в бежевый под цвет стен – минималистичная, даже аскетичная обстановка. Постель заправлена по линейке. Этот парень привык к дисциплине. Единственным украшением служила пара гантелей, валявшихся возле окна.

- Пусто-то как, – заметил из-за спины Уилкинс.
- Больше похоже на комнату холостяка, не находишь?
- Думается, женщины тут давно не бывало.
- Если они и бывали, то явно не каждую ночь.

В шкафу мы нашли несколько рубашек на плечиках и выходной костюм в бумажном чехле. На полках, помимо нижнего белья, возвышалась аккуратная стопка серых футболок и несколько пар баскетбольных шорт, сложенных прямоугольником. На полу шкафа выстроились в ряд четыре пары кроссовок. Спорт занимал не последнее место в жизни Генри Шумера.

Я пересек холл и толкнул третью дверь. Планировка дочкиной комнаты зеркально повторяла спальню отца. Однако детская оказалась совсем не детской. Никаких тебе игрушек

и книг с яркими обложками, та же уныло-бежевая краска на стенах... Зато здесь был туалетный столик, служивший одновременно письменным, и полка с книгами. В основном – учебники, несколько энциклопедий, словарь французского.

Распахнув шкаф, я присвистнул: гардероб юной леди мог посоревноваться по компактности с отцовским, но удивило меня другое. Все эти платья, блузки и брючки, аккуратно висевшие на плечиках, принадлежали взрослой девушке. Рост, скорее всего, невысокий, но малышка с фото в гостинной определенно выросла.

– Странная семейка, а? – спросил напарник, будто прочитав мои мысли.

– Не то слово. Не терпится заглянуть в его личное дело.

– Значит, едем в участок?

– Едем, – я закрыл шкаф и прислушался: внизу было тихо, – Кажется, наши коллеги уже отправились туда.

Глава 2. Личные дела

Возле дома не осталось ни одной машины. Наша разва-люха одиноко приткнулась у обочины, мы беспрепятственно развернулись и выехали. Из-за рабочей суеты я совсем позабыл о пари, но Уилкинс помнил все. Едва мы свернули на широкую улицу, он потребовал:

– Гони полдоллара.

– Прости, не ношу с собой мелочи... – увидев, что шутка не встретила отклика, я добавил, – Ей-богу, с наличными совсем плохо. Отдам, когда загляну в банк.

– Только не затягивай, – помолчав, согласился напарник, – По правде, у самого ни шиша, а Дженни обещал привезти что-нибудь. Она так расстроилась, что папы не будет на выступлении...

По крыше барабанил дождь. Я уставился в окно, за которым мелькали однотипные дома жилого района. На душе было скверно: послала же нелегкая это дело. Ума не приложу, за что хвататься, а если убийца хорошего парня останется на свободе, никогда себя не прощу.

Хотелось выпить. Рука потянулась в карман за сигаретами, но Уилкинс кстати закашлялся. Покосившись на него, я решил, что потерплю. И вообще буду решать проблемы по мере поступления. В конце концов, кое-чему жизнь научила.

Первым делом надо разобраться с шерифом: если этот недоделанный ковбой будет ставить палки в колеса, добра не жди. С такими престарелыми солдафонами лучше всего работает неприкрытая лесть. Признаю его превосходство, и этот осел у меня в кармане.

Когда мы подъехали к площади, часы на здании городской ратуши показывали полдень. В участке кипела работа: дежурный за стойкой отвечал на телефонные звонки, остальные бестолково суетились. Судя по всему, здесь не привыкли к серьезным делам – это мне даже на руку. Если поработаю как следует, то местные и не заподозрят, каких некомпетентных долдонов к ним прислали из Бостона.

С этой мыслью я направился прямо в кабинет шерифа, видневшийся за приоткрытой дверью, Уилкинс – следом. Мердок сидел, закинув ноги на стол; ковбойская шляпа украшала голову оленя, приколоченную над оружейным сейфом. Чтобы достать ее, коротышке придется забраться на стул или сбить оттуда метким выстрелом. Судя по целехоньким деревянным панелям, которыми были обшиты стены, шериф предпочитал первый вариант. Впрочем, наградные грамоты, висевшие позади него, говорили в пользу второго.

Налюбовавшись обстановкой, я обратился к хозяину:

– Не потревожим? Нам хотелось бы поговорить с вами о деле.

– Присаживайтесь.

Мердок кивнул на выдавший виды диванчик в правом углу. Небось дрыхнет там, когда никто не видит. Его собственное кожаное кресло с высокой спинкой и резными подлокотниками, не иначе, попало сюда прямо с блошиного рынка. Сам шериф напустил на себя важный вид, будто занимал пожизненную должность президента какой-нибудь банановой республики.

Мы закрыли за собой дверь и уселись. В кабинете было душно; я снял шляпу, а Уилкинс даже ослабил галстук, слишком яркий для его летнего светло-серого костюма. За сезонами и погодой напарник не следил, за модой тоже. Пуговицы с трудом удерживали на округлом брюшке полы пиджака, штаны же мешочком висели на старом заду. Рубашку вечно украшало пятно от горчицы или детская отрыжка. Его младшему недавно стукнуло четыре, а старший давно воспитывал своих детей, но одежда по-прежнему выглядела так, будто ее хозяин с утра до ночи нянчит младенцев.

Шериф внимательно разглядывал напарника. Похоже, внешний вид Уилкинса начал вызывать справедливые подозрения относительно нашего профессионализма. Надо было начинать разговор, пока Мердок не сделал правильных выводов.

– Давайте к сути, – сказал я, – Нам потребуется максимум информации о покойном.

– Все есть в его личном деле. Возьмите у дежурного – скажите, я велел.

– Само собой, шериф, но речь не только о формальных данных. Что за человек был Генри Шумер? Чем жил? С кем жил?

– Я с ним особо не приятельствовал. Шумер пришел в мой участок сразу после войны. Звезд с неба не хватал, служил ровно. Был нападающим в местной команде ветеранов... По правде, тогда баскетбол его интересовал сильнее карьеры.

– Тогда? – я наклонился вперед, – А потом что-то изменилось?

Мердок пожевал губами сквозь усы. Было видно, что тема для него не слишком приятна.

– В прошлом году я назначил его своим помощником – не за какие-то там заслуги, просто не хотел брать на эту должность салагу в обход «старичка» – и после этого Шумера будто подменили. Раньше он всякий день убегал на свои тренировки, иной раз даже с дежурства мог свинтить, а теперь ни-ни. Отчеты стал заполнять аккуратно, на летучках все рвался выступать...

– Выслуживался, одним словом, – вставил Уилкинс, сразу завоевав себе сто очков рейтинга.

– Так точно. Я не сразу сообразил, что он на мое место метит, а потом... Ну а что попишешь, годы-то идут. На пенсию, понятное дело, никому не хочется.

Я ткнул в бок напарника, который уже открыл рот, чтобы возразить, и спросил:

– Как другие на это смотрели?

– Одни косо, другие – ровно. Прямо скажем, должность шерифа в таком городишке золотых гор не сулит, и все-таки прибавка к жалованью неплохая, да и власть, само-собой, и уважение... В общем, не он один хотел получить повышение.

– Я верно понял, что друзей в участке у Шумера не было?

– Нет. Раньше у нас служил Хэйнс, но ушел после травмы, – они давние закадыки. А с другими так, здрасте-до свидания. Плакать по нему здесь никто не станет.

– Понятно... – я мысленно сделал пометку и решил перейти к более конкретным вопросам, – В момент убийства он был в полицейской форме – позднее дежурство?

– Шумер патрулировал город прошлой ночью. Заступил в десять вечера.

– Он был в патруле? И когда последний раз созванивался с участком?

– На кой ему звонить, если ничего не происходит? Вечером взял машину, расписался в журнале – и до утра поминай как звали.

– Но всю ночь не выходить на связь... Почему же дежурный не поднял тревогу?

– Потому что здесь это обычное дело, – пожал плечами шериф, – Патрулирование улиц – простая формальность, преступность в городе низкая.

– Неужто полицейским Саннивейла позволено на посту бить баклуши? Благословенное место, – вздохнул напарник.

– Баклуши никто не бьет. Потасовки иной раз случается,

или какой-нибудь ветеран нажрется таблеток, а потом хватается за пистолет и гоняет жену по двору – но такие вызовы бывают редко. Обычно патрульный объезжает город, заглядывает в ночные заведения, а остальное время может и отдохнуть...

– Вздремнуть, например, или заехать домой?

– У Генри дочь семнадцати лет... На его месте я бы вообще отказался от ночных дежурств, – ухмыльнулся шериф.

– Вы хотите сказать, он проверял ее? Кстати, где девушка сейчас?

– Она у соседки, побежала туда сразу после того, как нашла тело. А насчет проверял... ну, не так чтобы... На его месте любой отец бы беспокоился.

– А где же была мать девушки?

– Сбежала десять лет назад, – ответил Мердок, – Исчезла с концами. Шумер только в прошлом году оформил развод.

– Сбежала? – настороженно переспросил Уилкинс, – А точно? Не избавился ли от нее он сам?

– По-вашему мы тут совсем идиоты? Это дело чистое. Генри в ту ночь дежурил в участке, хватился жены утром. Мы по горячим следам все разнюхали. Она села на ночной поезд, это запомнили и дежурный по станции, и проводник в вагоне. Доехала до Бостона – и поминай как звали.

– Как же так? Оставила маленькую дочку дома одну? – изумился напарник, – Что за мать такая?

– По правде сказать, этому никто не удивился. Мег то-

гда было лет семь, она уж ходила в школу. А Дебору всегда считали не от мира сего: ни подруг, ни дамских клубов каких-нибудь; все книжки читала да в кино бегала... Она ведь совсем девчонкой вышла за Генри. Красивая была, этого не отнять. Таковую птичку даже в золотой клетке не удержишь, что уж говорить о жизни с копом. А характер у Шумера совсем не сахар: с жены он глаз не спускал, хотя она и повода как будто не давала думать дурного.

– Бил ее?

– Вряд ли. С виду все было пристойно, только счастливой эту пару язык ни у кого бы не повернулся назвать.

Напарник сокрушенно покачал головой. Между тем слова шерифа о горячих следах навели меня на счастливую мысль. Если сработает, я выиграю пару очков, а заодно избавлюсь от напарника – по правде говоря, он часто действует мне на нервы. Я повернулся к Уилкинсу:

– Вот что: выясни у дежурного, какие заведения работают в городе по ночам, и езжай по адресам...

– Думаешь, бармены и продавцы запомнили, в котором часу к ним заглядывал патрульный? – с сомнением спросил он.

– Лучше поспеши, пока они все не позабыли. Потом напишешь отчет. Вперед!

Бормоча что-то под нос, Уилкинс исчез за дверью. Я не без облегчения закурил и спросил насупленного шерифа:

– А жена Шумера точно сбежала одна? Может быть, здесь

замешан любовник?

– Во всяком случае, в поезде она ехала одна, а в Бостоне никто не встречал... Детектив, едва ли эта история имеет отношение к вашему делу.

– К нашему делу, шериф Мердок. Для местных я ноль без палочки. В Саннивейле распоряжаетесь вы, а без вашей поддержки со мной некоторые и говорить не станут.

Усы шерифа дрогнули, а уголки губ самодовольно приподнялись. Я не прогадал: старый осел купился на самую банальную лесть, даже приосанился в своем дурацком кресле. Теперь бы не спугнуть... Искусство вылизывания задниц требует терпения и некоторого изящества.

– Мы на одной стороне, детектив Бойд, – наконец, сказал он, – Можете рассчитывать на меня в этом расследовании.

– Рад это слышать. С вашего позволения теперь я хотел бы ознакомиться с личным делом, – надев шляпу, я слегка ему козырнул, – Буду держать вас в курсе.

– Моя рука всегда на пульсе! – донеслось мне вслед перед тем, как дверь в кабинет шерифа закрылась за спиной.

Ковбойская шляпа, любовь к цветастым фразам – почему дураки всегда стремятся выделиться?

Через несколько минут я получил у дежурного личное дело Шумера и в поисках спокойного места набрел на комнату отдыха в глубине участка. Здесь даже была кофеварка и коробочка засохших пирожных. От сладкого я решил воздержаться, взял свободную кружку – возможно, она принадле-

жала Шумеру – налил себе дрянного кофе и устроился на диване. Раскрытую папку положил на колени и зарылся в бумажки.

Генри Шумер, родился 18.06.1920 г. в Саннивейле, штат Массачусетс...

Местная школа...

Успехи в баскетболе, даже получил стипендию в колледже, но не оправдал ожиданий и был отчислен год спустя. Играл в любительской команде, не имел постоянной работы, жил с родителями...

Обвенчался с семнадцатилетней Деборой Уикс в мае 1941-го...

Призван в армию США в декабре того же года... Пехота...

Дочь родилась через две недели после призыва, в его отсутствие...

Вон что: ей восемнадцать стукнет через пару месяцев!

Во время войны умирают родители Шумера...

После демобилизации идет служить в полицию Саннивейла...

Март 1956-го: назначен помощником шерифа...

Январь 1957-го: оформлен развод с Деборой Шумер...

Небогатая биография. Я записал в блокнот все, что могло иметь отношение к делу. Не люблю бумажную работу, но лучшего способа расставить разрозненные факты по местам не знаю. Сходил в уборную, чтобы выплеснуть остывший кофе в раковину, потом вернулся и налил свежего. Снова усел-

ся и полистал дело: выписка из бухгалтерии: денежный перевод на оплату обучения М. Шумер в Католической школе для девочек... Значит, засунул дочку к монашкам. Надеюсь, что ее там научат добру? И почему в доме нет поздних фотографий девушки – неужели М. Шумер ничего не добились за последние годы?

Я взглянул на часы: напарнику пора бы уже вернуться. Оставив папку рядом с кружкой на низком столике, я направился к дежурному и попросил вызвать для допроса дочь жертвы.

– Она должна быть у соседки...

– У мисс Гувер, – подсказал он, – Сейчас позвоню. Она нынче отпросилась с работы, чтобы не оставлять Мег одну, так что сама ее быстренько привезет.

– Вы хорошо знакомы?

– Ни в коем разе, сэр. Просто моя свояченица работает под ее началом. Мисс Гувер – старшая сестра в больнице.

– И свояченица звонит вам, чтобы доложить, когда начальница не выходит на работу?

– Так весь город только об этом и говорит, – развел руками коп, – Телефон целый день не умолкает, и хорошо, если один звонок из десяти по делу.

– Мда... Когда приедут, снимите у девушки отпечатки пальцев – надо будет сверить их с теми, что нашли на месте преступления. Потом ко мне: я буду в комнате отдыха.

Уилкинс прибыл через полчаса, когда я успел выкурить

еще полпачки и опустошить кофеварку. Похмелье наконец осталось позади, но от избытка кофеина потряхивало.

– Отдыхаешь! – напарник плюхнулся рядом, утирая пот, – А я вот ношусь по городу, будто бешеная собака.

– Ну, не пристрелили же тебя... Что удалось узнать?

– Ничего особенного. Мальчишка из ночной бакалеи видел Шумера в половине одиннадцатого, а в бар – отвратное место, тебе бы там понравилось – он заглянул в начале двенадцатого. Даже посидел немного, выпил кофейку. Во сколько отчалил – не помнят.

– И все?

– А что ты еще хотел? Бар ближе всего к жилым кварталам, наверняка Шумер после него сделал пару кругов по району и поехал домой.

– Значит, предположения дока Белла верны. Время смерти – около полуночи. Едва ли убийца с ним разговоры разговаривал перед тем как всадить пулю в брюхо...

– А у тебя что нового? – напарник потянулся к личному делу жертвы.

– Почти ничего. Рано женился, дочка родилась пока был на фронте – едва ли они очень близки... Можешь взять ознакомиться, я тут закончил. Кстати, девчонка вот-вот приедет для допроса, она все еще у соседки. Некая мисс Гувер.

– Та старушенция на крыльце соседнего дома?

– Едва ли. Она – старшая сестра в больнице, должна быть все-таки помоложе.

– Воображаю, синий чулок в белом чепце, – фыркнул Уилкинс, – Небось окучивала этого одинокого соседа годами.

При всей снисходительности к прекрасному полу мой старик отчего-то ненавидел старых дев. Может быть, ему мерещилась в них какая-то угроза? Пока я обдумывал эту мысль, в дверь просунулась голова дежурного.

– Детективы? Мисс Шумер приехала, ждет у моей стойки.

– Отлично, – я поднялся с диванчика, к которому уже начал привыкать, – Комната для допросов свободна?

– Она почти всегда свободна. Отсюда первая дверь направо по коридору, – голова исчезла.

– Девчонку в комнату для допросов, как преступницу, – с неудовольствием протянул Уилкинс.

– Не волнуйся, понапрасну обижать не стану. Пока займись отчетом. Свободных столов в участке хватает.

Пожалуй, допрошу я девчонку один, а то старик, чего доброго, предложит ее удочерить. Оно бы и ничего, да только миссис Уилкинс с меня голову за такое снимет. Сказать правду, у него куда больше способностей к бумажной работе, чем к розыскной. Заполнять протоколы, писать объяснительные – вот с чем мой напарник справляется лучше всего. Собственно, этим он обычно в нашей команде и занимается, а я терпеть не могу всей этой бюрократической возни.

Мы вместе вышли в коридор. В общем офисе Уилкинс плюхнул папку на свободный стол, уселся и придвинул к себе лист бумаги. Я же проследовал дальше, на встречу с пер-

вой свидетельницей. Скамейка для посетителей располагалась у самого входа; из-за высокой стойки дежурного я до последнего не видел, кто на ней сидит. Там было две женщины. Одна – миниатюрная и совсем юная блондинка – очевидно, мисс Шумер. А вторая...

Вам доводилось когда-нибудь попасть под артиллерийский обстрел? Мне пару раз «повезло». И вот что скажу: взгляд зеленых глаз мисс Гувер ошеломил меня куда сильнее. Потом уж я рассмотрел все остальное: стройные ножки, обтянутые чулками телесного цвета, длинные пальцы без единого колечка, фарфоровую кожу, алую помаду и огненно-рыжие волосы. Какое на ней было платье? Что за туфли? Хоть убей, не помню, какой наряд она выбрала в тот день. И тогда, и после мне чаще хотелось раздеть эту женщину, чем одеть.

Глава 3. Тучи сгущаются

В комнату для допросов мы вошли втроем: дамы впереди, а я последним. Помещение, прямо скажем, не могло похвастаться уютом: крошечное окно под потолком, привинченный к полу стол, с разных его концов – два стула. Девушка села, а мисс Гувер осталась стоять, с любопытством оглядываясь. Как бы ни хотелось подольше полюбоваться сексапильной соседкой, пришлось предупредить:

– Беседа со свидетельницей будет конфиденциальной.

– Разумеется, детектив. Я подожду снаружи, просто хотела проводить ее.

Красотка наклонилась к своей подопечной, сжав плечо девушки белоснежными длинными пальцами, и что-то зашептала ей на ухо. Та кивала с невозмутимым выражением лица. Вообще для недавно осиротевшей девчонки семнадцати лет Мег Шумер была на удивление спокойна. Слишком спокойна. Наконец, мисс Гувер выпрямилась, окинула меня оценивающим взглядом и вышла вон. Теперь меня ничто и никто не отвлекал, и можно было уделить все внимание главной свидетельнице.

Она сильно изменилась по сравнению с детскими фото, которые я видел в доме. Вместо румяного ангелочка на меня смотрела угрюмая и нескладная девушка. Волосы соло-

менного цвета уныло свисали по сторонам скуластого лица с мужским, почти квадратным подбородком. Серые глаза смотрели прямо и смело, а губы девушка сжала, твердо вознамерившись не выбалтывать своих секретов. Беспокойство выдавали только пальцы, перепачканные в чернилах после дактилоскопии: они непрерывно теребили сумочку.

Меган Шумер была здорово похожа на отца, взяв от матери, по-видимому, только невысокий рост. Она едва доходила мне до плеча – на это я обратил внимание еще в дверях, пропуская посетительниц вперед. Едва ли такая способна дать достойный отпор в случае драки, но удержать в руках пистолет наверняка сумеет.

Я уселся напротив нее, достал из кармана блокнот с карандашом, разложил все это добро на столе. Она следила за каждым моим движением, будто кошка за мышью. Обстановка складывалась не самая приятная, всю мою напускную уверенность следователя как рукой сняло. Чего скрывать, я не мастак говорить с дамами, а уж тем более с девушками. Если свидетельница что-то скрывает, все секреты останутся при ней. Здесь вам не военная полиция! Ударить девчонку я не мог, орать на дочку местного копа посреди чужого участка тоже не стоило. Однако надо было как-то начинать допрос... Я приступил к беседе, будто нырнул в холодную воду: вперед и не оглядываясь.

– Мисс Шумер, ваш отец мертв. Обнаружили его вы. Расскажите подробно, как это случилось.

Брови девицы прыгнули вверх. Я выбрал верную тактику, решив не ходить вокруг да около с выражением липовых заболеваний, и спросил в лоб о главном. Она была сбита с толку, а того мне и надо.

– Я нашла его... – медленно, будто вспоминая начала рассказ Меган, – сегодня утром, когда вернулась домой от подруги...

– В котором часу это было?

– Шесть с небольшим. Ее дом в соседнем квартале. Мне нужно было собраться в школу, поэтому будильник завела на шесть. Я поднялась тихонько и почти сразу отправилась к себе, не стала там никого будить.

– В такой час на улице еще сумерки. В гостиной горел свет?

– Да, я удивилась этому, ведь отец был на дежурстве, – она покачала головой, – Даже испугалась бы, если б как следует проснулась... Но по утрам я дура душой, пока не позавтракаю, вот и пошла прямо туда...

Рот свидетельницы подозрительно скривился, будто она собралась реветь или притворилась, что собирается это сделать. Отличать искренние женские истерики от наигранных – уж точно не мой конек. Чтобы отвлечь ее от глупостей, я отложил карандаш и поспешно спросил:

– И что вы съели на завтрак?

Инициатива снова перехвачена! Девушка вытаращилась на меня как на идиота.

– Простите? Какое отношение это имеет к делу?

– Ответьте на вопрос, мисс.

– Я ничего не съела, – ледяным тоном процедила она сквозь зубы, – В гостиной лежал труп моего отца, мне было не до завтрака.

– Но сейчас время позднее, неужели вы до сих пор не проглотили ни крошки? – с как можно более невинным видом поинтересовался я. Она с досадой пожала плечами.

– Разумеется, я перекусила у Миртл. Пара тостов с маслом и кофе. Но это был скорее обед, чем завтрак.

– Отлично, – я сделал вид, будто тщательно записываю эту муть, – Мне лишь нужно было проверить, насколько ясно вы мыслите. Стоит ли принимать всерьез ваши показания и вообще вас как свидетеля.

Меган вспыхнула. Румянец ей не шел, впрочем, злость вообще редко украшает блондинок. Я попал в точку: как и все сопливые новобранцы, с которыми мне приходилось иметь дело в военной полиции, эта малолетняя идиотка больше всего боялась, что ее сочтут малолетней идиоткой.

– Я в полном порядке, сэр, и отвечу на любые вопросы.

– Рад это слышать, мисс, – я заглянул в блокнот, где пока не было ни строчки смысла, – В каком положении находилось тело вашего отца, когда вы обнаружили его?

– Он лежал на боку, – она сморщила лоб, – На правом. Рука прижата к животу, будто пытался остановить кровь... Я не трогала его, если вы об этом хотите знать.

– И даже не попытались убедиться, что он мертв?

– Мне и так все стало ясно. У отца не было привычки валяться посреди гостиной в луже собственной крови.

А девочка не слишком выбирает выражения. Едва ли папаша был слишком дорог такой дочурке. Интересно, насколько она вообще горюет об утрате?

– Что вы сделали, обнаружив тело?

– Испугалась. Выскочила на улицу и побежала к мисс Гувер

– Стало быть, вы в хороших отношениях с соседкой, раз обратились за помощью именно к ней?

– Не так чтобы... Просто ее дом ближе, и потом, только у нее уже горел свет.

– В такую-то рань? – несмотря на неуместность данного вопроса, я не мог не задать его. Чем-то зацепила меня эта рыжая.

– Она работает в больнице и встает, наверное, часов в пять, чтобы привести себя в порядок. Это, знаете ли, требует времени.

– Знаю, был женат... Как вас встретила мисс Гувер?

– У меня зуб на зуб от страха не попадал... Она усадила меня в своей гостиной, налила немножко бренди, – девушка метнула на меня быстрый взгляд, – Вы не подумайте про нее плохого!..

– Ни в коем случае. В шоковых ситуациях алкоголь просто незаменим. И потом, вы уже не ребенок.

С помощью последней фразы я лишь пытался войти в доверие, но, кажется, заставил девчонку думать, будто с ней заигрывают. Мисс Шумер снова залилась краской и отвернулась, а после с явным усилием продолжила рассказ:

– В общем, я ей все выложила. Она сбегала в наш дом, а когда вернулась, сказала, что отец вправду мертв. И позвонила в полицию.

– Интересно, – я перелистнул несколько страниц блокнота назад и сверился с записями, – Звонок дежурному поступил в семь часов утра. Не многовато ли времени вам потребовалось, мисс, чтобы добежать до соседнего дома и выпить глоток бренди?

Меган выглядела растерянной и раздосадованной. Она явно не привыкла, чтобы ее ловили на вранье.

– Я не... возможно, у меня была истерика. Ведь шок...

– У девушек вроде вас не бывает истерик, не тот темперамент, – качнул я головой, – Думаю, вы просто о чем-то забыли упомянуть.

– О чем-то? – в замешательстве переспросила она.

– Да. О том, чем вы еще занимались до того, как позвонить в полицию, – я почесал карандашом за ухом, делая вид, что очень увлечен содержимым блокнота, – О каком-то разговоре с мисс Гувер, я полагаю.

И снова в яблочко! Меган насупилась и медленно кивнула:

– Миртл не сразу пошла в наш дом, а сначала спросила

меня... спросила, не моих ли рук это дело.

– И что вы ей ответили?

– Что нет. Я даже его не видела со вчерашнего вечера.

– Она сразу вам поверила?

– Не сразу, – девушка смотрела с вызовом, – Мы с отцом не слишком ладили, а Миртл это знала лучше других.

– Она была близким другом семьи?

– Когда-то дружила с матерью, до того как...

– Как она исчезла? – подсказал я, – Почти десять лет назад, насколько мне известно... Должно быть, это событие не сделало вашу семью дружнее?

Глаза Меган вызывающе сощурились.

– Сами догадайтесь, вы ведь *были* женаты.

Я выдержал взгляд нахалки с каменным лицом, хотя это стоило больших усилий, и вытащил свой козырь:

– Зачем вы сдвинули ковер?

Это застало ее врасплох. Мисс Шумер совсем растерялась, глаза ее забегали по столу, пальцы с удвоенной скоростью принялись оттирать чернильные пятна. Ее плечи поникли. Какими бы скверными не были отношения в этой семье, сейчас девчонке было стыдно. Она с трудом выдавила:

– Да... Я подошла к нему и наклонилась, чтобы рассмотреть. Лужа крови была такой огромной, почти добралась до края этого дурацкого ковра, а я только накануне прибралась... Мне правда жаль, я даже не подумала, что это может запутать следствие.

– Главное, что мы вовремя в этом разобрались. Значит, последний раз вы видели отца вечером накануне убийства...

– Мы поужинали вместе. Потом я вымыла посуду и пошла к подруге. Ночь провела у нее, а дальше вы уже знаете.

– Как зовут эту подругу?

– Памела Свонсон... Ее вы тоже вызовете на допрос?

– Если понадобится. Пока требуется лишь подтвердить ваше алиби.

– Хорошо. Их домашний номер...

Она продиктовала телефон и адрес подруги. Пока я заносил эти сведения в блокнот, мисс Шумер ерзала на стуле, сжимая пальцами сумочку, и наконец спросила:

– Я могу идти?

– Конечно... – я оторвался от записей, – Дом опечатан как место преступления, за личными вещами можете прийти в сопровождении полицейского. Вам есть, куда податься в ближайшее время?

– Мисс Гувер разрешила пока пожить у нее.

– Но у вас ведь есть родные, которые согласятся оформить временную опеку?

– Нет, – Меган встала, – До моего совершеннолетия осталось всего ничего – как-нибудь перебыюсь. До свидания, сэр.

– Постойте. Скажите своей соседке... Мисс Гувер... Что ей тоже нужно пройти дактилоскопию. Вот теперь всего хорошего.

Я встал, чтобы проводить мисс Шумер до дверей, но она

оказалась проворнее. Несговорчивая свидетельница исчезла, а я рассовал по карманам блокнот и сигареты. Хотелось еще разок взглянуть на мисс Гувер, но я намеренно тянул время. Следовательно нужна ясная голова, а при виде сексапильной свидетельницы я эту самую голову попросту теряю.

Мои размышления были грубо прерваны дежурным, который принес очередную весть:

– Детектив Бойд! Только что позвонил док Белл, он извлек пулю.

– Ну, здорово, – отозвался я, – Когда будет отчет?

– За ним придется сходить... Морг при больнице, это всего через два дома отсюда, кирпичное здание рядом с мэрией.

По смущенному виду копа я догадался, что идти туда придется самому. Виновато разведя руками, он исчез. Я бросил быстрый взгляд за окно, по которому дробно стучали капли дождя, застегнул плащ и зашагал к выходу. Уилкинс старательно пыхтел над бумагами, ссутулившись над столом. Я подбросил ему блокнот, раскрытый на странице с допросом Меган, и поскорее смылся. Не хватало новых нотаций по поводу корявого почерка.

Мне почти удалось выскочить на улицу, когда бархатный голос произнес:

– Мистер Бойд!

Я обернулся. Она стояла передо мной во всей красе. В руках – влажный носовой платок с пятнами от чернил. Какой болван посмел грубо измарать это чудное творение приро-

ды? Что за идиот мог заподозрить в чем-то дурном эти пальцы и потребовать снять с них отпечатки? Ах, да! Это был я. Наверняка она меня ненавидит.

– Я должна остаться для допроса? – осведомилась мисс Гувер.

Обычно с дамами я вполне обходителен, но тогда ответил отрывисто и грубо:

– Не думаю, что сейчас подходящее время...

– Скорей всего, опрашивать соседей придется завтра. Мне тут работы невпроворот, – проворчал Уилкинс, щурясь над моим блокнотом.

– Пожалуй... Мы наведем соседей жертвы в их домах с утра, – согласился я.

– Завтра я работаю. Буду дома с часу до двух.

Я смог лишь кивнуть и не прощаясь вышел за дверь. День клонился к вечеру, и на площади показались первые гуляки. Невзирая на дождь, местные щеголи были разодеты в пух и прах. Я в своем мятом плаще выглядел полным дегенератом. И чувствовал себя соответственно. С мисс Гувер я вел себя как мальчишка! Когда такое бывало?

Не оглядываясь, я зашагал в сторону мэрии. Больница оказалась ровно там, где было обещано. Среди окружавших площадь зданий прошлого века трехэтажная кирпичная коробка смотрелась как одинокий прыщ на подбородке. Внутри тоже все было устроено по-современному: прямые линии, неудобные кресла для посетителей, бледная краска на

стенах... Симпатичная медсестричка, которая встретилась в холле, подсказала, где искать морг. Я прошел по длинному прямому коридору со множеством дверей и свернул на неприметную лестницу, ведущую в подвал.

Внизу было холодно. Я плотнее затянул пояс плаща и стукнулся в дверь с табличкой «Морг». Ответа не последовало, поэтому ничего не оставалось, кроме как войти без разрешения. Внутри оказалось просторное помещение с белым кафелем на стенах и бетонным полом, натертым до блеска; было ослепительно светло от лампы над прожекторским столом. После полумрака, царящего на лестнице, я на секунду растерялся. Встал в дверях и сощурился, будто застенчивый очкарик, подпирающий стенку на школьном балу.

– Доктор Белл! Вы здесь?

– Детектив! – фигура в белом выплыла из-за огромного шкафа с заспиртованными препаратами, – Я почему-то думал, что за отчетом вы пришлете напарника.

– Ему и так работы хватает в участке, – глаза потихоньку привыкли к свету, и я разглядел знакомую лысину патологоанатома, – Значит, пуля у вас? Что удалось узнать?

– Немногое. Отчет пока не готов, я к вечеру занесу его в участок, а сейчас так все расскажу и покажу. Идемте.

Белл поманил меня за собой. Обойдя шкаф, мы оказались перед распахнутой дверью, откуда так и тянуло морозным воздухом. Вот где располагалась настоящая покойницкая! Здоровенная квадратная комната с каменными стена-

ми, покрытыми инеем. Четыре каталки для мертвецов: три пустые, а на четвертой – труп, прикрытый белоснежной простыней с багровыми пятнами.

Парень, который проектировал это уродливое здание, по-видимому, планировал устроить здесь мясную лавку с огромным морозильником или логово психопата. Готов поклясться, что в полу я увидел сток для крови. Меня передернуло – разумеется, только от холода. Белл сделал вид, что ничего не заметил, и откинул простынь. Шумер лежал все в той же скрюченной позе. Одежда на спине была задрана, а кожу украшал свежий аккуратный разрез.

– Трупное окоченение еще не разрешилось, так что пришлось повозиться, – заметил док с недовольной миной, – Самому мне его не разогнуть, а звать наших санитаров не хочу, эти амбалы от улик места на месте не оставят.

– Позднее тело можно будет выпрямить? – поинтересовался я.

– К похоронам будет как огурчик. Думаю, я проведу нормальное вскрытие завтра. В целом картина такая: пуля пробила печень. Парень наверняка вырубился от болевого шока и истек кровью, скорее всего, не приходя в сознание. Время смерти, как и предполагалось, от полуночи до половины первого.

– Пулю извлекли?

– А как же! Вот она, – Белл порылся в кармане халата и протянул мне полиэтиленовый пакетик с уликой внутри, – В

калибрах я не разбираюсь, уже не обессудьте. Пусть и полицейские специалисты поработают чуть-чуть.

– Кое-что уже можно сказать, – я вышел в прозекторскую, где было больше света, – Калибр 45.

– Лихо, – одобрил док, накрывая тело простыней, – И к чему это вас ведет?

– К тому, что парня не могли пришить из его собственного ствола. Скорее всего, в ход пошел сорок пятый кольт – шумная игрушка... Впрочем, экспертиза скажет точнее.

Белл нахмурился и сказал:

– Знаете, пожалуй, я позвоню и замолвлю за вас словечко баллистику, чтобы поторопился... Мы играем в покер по четвергам, для меня Сэм не откажется поработать сверхурочно. Отнесете пулю дежурному в участке, а к вечеру получите его отчет.

– Это будет просто здорово.

Док захлопнул дверь огромного холодильника и подошел к письменному столу, приютившемуся в углу прозекторской. Он снял трубку с телефонного аппарата, но запомнил номер и вытащил засаленную записную книжку. Я собрался уходить и, пряча пакет с пулей в карман, поинтересовался:

– Не сочтите за наглость, но... Сами-то вы хорошо были знакомы с жертвой?

– Вообще не был. Знал вприглядку, все-таки видный был парень, звезда спорта местного пошиба и так далее. А в целом ни разу не пересекались – не нашлось повода.

– Спасибо. Буду ждать вашего отчета.

– Постараюсь как можно скорее... Сэмми! – крикнул он в трубку, – Рад, что тебя застал...

Я вполголоса попрощался с доком и вышел на лестницу. Ноги сами понесли меня наверх, к солнечному свету и живым людям.

Глава 4. Лучший друг

В участке мало что изменилось после моего ухода. Уилкинс корпел над бумагами, дежурный ловил мух за стойкой, а шериф Мердок бил баклуши в собственном кабинете, время от времени окидывая взглядом вверенные ему владения. Грохот входной двери слегка оживил это сонное царство. Молодой коп подскочил на стуле и затараторил:

– Мне уже звонил баллистик, он подъедет через четверть часа. Пуля у вас?

Я положил пакетик на стойку.

– Ого, сорок пятый, – дежурный поднес улику к глазам, близоруко щурясь, – Остается порадоваться, что это – не кто-то из своих.

– В участке никто не вооружен кольтами?

– Из наших ребят – никто. Сорок пятый обычно носят ветераны войны и парни из управления вроде вас.

– У вас-то есть алиби, детектив? – хохотнул Мердок, из-за открытой двери кабинета.

Я смолчал, задумавшись, а потом предположил:

– Шумер ведь воевал. У него мог остаться кольт в качестве личного оружия.

– Если и остался, то я его не видел. Впрочем, мы с ним не особо дружили, – хмыкнул дежурный.

– Дочь может знать, – предположил Уилкинс. Он закончил с бумагами и встал из-за стола – усталый, но готовый к дальнейшей работе.

– Куда там! Скорее вам Хэйнс об этом может порассказать, – шериф тоже выбрался из своего кабинета, чтобы подключиться к общему разговору, – Они с Шумером во время войны служили вместе, да и у нас были напарниками несколько лет.

– А что потом случилось? – любопытно спросил Уилкинс.

– Хэйнс получил травму на баскетболе – они играли в местной команде ветеранов – охромел и служить больше не мог.

– Это Шумер его тогда с ног сбил, – припомнил дежурный, – Хотел мяч перехватить и всей массой налетел – тот долго подняться не мог, потом его в больницу увезли... Я в тот день за брата болеть пришел, все видел.

– Да... Не повезло парню, хороший коп был.

– А чем он теперь занимается? – спросил я.

– Охранником в банк устроился. Работенка дерьмовая, конечно, – покачал головой шериф, – А куда ему деваться. Пенсия-то маленькая; если бы травму на службе получил, а так...

Отвздыхав положенное о нелегкой доле отставных копов, мы с Уилкинсом принялись прощаться. Пуля осталась у дежурного, а шериф обещал задержаться на службе и лично проследить, чтобы баллистик получил ее в собственные ру-

ки. Рабочий день был окончен. Мы надели шляпы и вышли наружу. Дождь разогнал площадных гуляк; открытые двери магазинов безуспешно ждали вечерних посетителей. Жизнь кипела только ресторане напротив: там светили огни и разогревался оркестр.

– Может, поужинаем? – предложил Уилкинс, – Я кроме пары сэндвичей, которые Мэри дала в дорогу, ничего за день не перехватил.

– Я давно забыл вкус домашней еды, – урчание в животе подтвердило мои слова, – Подкрепиться надо бы, но сперва я хочу заглянуть в банк.

– Ушам не верю: у тебя остались силы для нового допроса?

– Пока просто поговорим с Хэйнсом. Может, его и на месте не будет. Охранники обычно работают посменно. Заглянем в отделение, а там посмотрим.

– Черт с тобой... Лезь в машину, банк через два квартала отсюда.

Отперев дверцу, он сел за руль. Я устроился на пассажирском сиденье и сказал, чтобы разрядить обстановку:

– Как раз зайду в кассу и верну тебе долг...

Уилкинс молча бросил мне на колени блокнот. По его лицу я понял, что отсрочка ужина даром не пройдет. Он повернул ключ в замке зажигания, и мы покатали вокруг площади. Старик то и дело нажимал на клаксон, чтобы согнать зазевавшуюся парочку с дороги, хмурился и чертыхался под

нос: когда дело касается еды, мой безобидный напарник становится сущим дьяволом.

Отделение банка располагалось в старом трехэтажном здании красного кирпича. Дверь из пуленепробиваемого стекла была заперта, но внутри горел тусклый свет. Надежды рассчитаться с долгом растаяли как лед в бокале с виски. От этого настроение Уилкинса лучше не стало. Он яростно принялся колотить по стеклу, и через минуту в глубине помещения показался молодой охранник. Высказав напарнику все, что он о нем думает, парень рассмотрел полицейские значки в наших руках, успокоился и назвал нам адрес Хэйнса, который третий день сидел дома на с простудой.

К счастью, друг Шумера жил совсем недалеко от своего места работы. Пройдя еще немного по улице, мы свернули в проулок и оказались в сумрачном дворе. Верхние этажи почти всех зданий по улице были жилыми, однако попасть внутрь можно было только из таких вот закоулков. Мы нашли табличку с нужным номером и поднялись по заплыванной лестнице. В воздухе носился запах горелого лука и в целом впечатление от дома было удручающим. Стараясь поменьше дышать, мы постучали в квартиру 7.

С минуту внутри было тихо, а потом раздались шаркающие шаги – слышно было, что хозяин подволакивает ногу – и дверь распахнулась. Хэйнс оказался высоким и сутулым. В целом вид он имел помятый: темные волосы с проседью всклокочены, под старой футболкой обозначилось брюшко,

руки безвольно свисали вдоль тела – не верилось, что этот человек три года назад был таким же подтянутым красавцем, как наша жертва. Впрочем, карие глаза смотрели ясно, а многочисленные морщинки вокруг них говорили в пользу веселого характера. В общем, свой в доску парень. Наверняка пьет.

– Чарльз Хэйнс? Я детектив Бойд, это мой напарник детектив Уилкинс. Мы пришли поговорить...

– Насчет Генри, – закончил он за меня, – Я так и думал, проходите. Простите, дома бардак. Я третий день на больничном, а жена вчера уехала, мы с сыном вдвоем. Правда, он где-то шатается.

Он посторонился, пропуская нас в квартирку. Неуютное жилище, чего там говорить. Засаленные обои в цветочек когда-то были желтыми, потолок просил побелки, а старый паркет вспучился в самых неожиданных местах. Я успел трижды запнуться, пока дошел до гостиной и уселся на скрипучий диванчик.

– Может быть, хотите выпить? – поинтересовался Хэйнс. Воздух в комнате был тяжелым; в заботе о собственном здоровье охранник отдавал предпочтение старому доброму виски. И средство определенно помогало: простуду выдавал лишь покрасневший кончик носа.

– Благодарю, мы на службе. Время позднее, так что лучше сразу разберемся со всеми вопросами и разбежимся по своим делам.

– У меня никаких дел на сегодня, – невесело ухмыльнулся хозяин, устраиваясь в кресле, возле которого на полу красовалась початая бутылка с ободранной этикеткой, – Но задерживать не стану. Помню еще, каково это: трудиться сверхурочно.

– Вы занимались следственной работой в полиции?

– Нет, выше патрульного так и не поднялся. Но участок маленький, людей порой не хватало, вот и приходилось пахать за двоих.

– Вашему другу повезло больше.

– Генри это заслужил, – серьезно ответил Хэйнс, – Мы дружили со старших классов. По молодости он много валял дурака, но последние годы был молодцом.

– С тех пор как ушла его жена?

– Он тяжело пережил это, первое время даже выпивал... а потом взялся за ум, слава богу. Стал помощником шерифа, серьезнее относился к службе, брал больше дежурств.

– Кажется, начальство и коллеги это не слишком ценили?

– Мне трудно судить, – нехотя сказал он, – К тому времени меня в участке уже не было. Шериф Мердок простой человек, даже слишком простой. Стареть никому не хочется, так что амбиции Генри его наверняка настораживали. Карьеристов нигде особо не любят, да и резких перемен в характере человека – тоже.

– А ведь эти перемены случились с покойным Шумером после вашей отставки... – заметил я, – Насколько нам из-

вестно, травму вы получили его стараниями – может быть, тут есть какая-то связь?

Хэйнс заерзал в кресле. Разговор ему определенно не нравился.

– Это была всего лишь игра, с любым могло случиться. Я зла на Генри не держал, но он и сам себя винил в случившемся.

– А вы – нет?

– Это была только игра, – повторил он, глядя прямо мне в глаза.

– Вы были его единственным другом?

– Пожалуй. Ребята из баскетбольной команды неплохо относились к Генри, но до дружбы там было далеко. Они, как и парни из участка, просто отдавали ему должное.

– Мне все ясно. Что ж, давайте перейдем непосредственно к делу, – я раскрыл блокнот с набросками по следствию и приготовился записывать, – Когда вы последний раз видели Генри Шумера?

– Третьего дня. Я заглянул к нему вечером, посидели немного, посмотрели бейсбол...

– Вы часто бывали у него в гостях?

– Раз в неделю точно заходил.

– Тогда вам стоит отправиться в участок и сдать отпечатки пальцев, – подал наконец голос Уилкинс.

– Я проходил дактилоскопию при поступлении на службу. Если личное дело сохранилось...

– Наверняка сохранилось. Если нет, вас позднее вызовут в участок, – сказал я, – Следующий вопрос: у Шумера, помимо служебного, был собственный пистолет? Наградное оружие или, может быть, трофей...

– О чем вы! Мы служили в пехоте, кроме винтовок в руках ничего не держали. Он особо не геройствовал и остался без наград. А если Генри и привез какой-то трофей с войны, то наверняка оставил его у венеролога, – усмехнулся Хэйнс.

– Значит, он был любителем прекрасного пола? – подмигнул Уилкинс.

– В чужих краях трудно держать себя в узде, тем более когда речь идет о француженках. Впрочем, он никогда не распространялся на эту тему. Дома ждали жены, а мы были хорошими парнями.

– Вы с Шумером вместе ушли на фронт?

– Меня призвали на пару месяцев позже. Женился буквально накануне того как Штаты вступили в войну и получил небольшую отсрочку; Оливер родился, когда я уже был в Европе, он на полгода младше Мег. Мы с Генри вместе проходили подготовку в лагере, а позднее оказались в одном полку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.